

Перспектива науки: Смысл как альтернатива истине¹

Л.А. МАРКОВА

Возможна ли наука *без субъекта и без предмета*? Вернее будет сказать, возможна ли такая ее логическая модель? И если да, то поможет ли она понять эмпирическое существование науки, где реальный ученый занимается изучением реально существующих природных объектов? В классической науке Нового времени наука понималась, прежде всего, как знание об окружающем мире, из логической структуры которого максимально исключалось всё, хоть как-то связанное с субъектом-ученым. Субъект оказывался за пределами логики. Логика знания формировалась предметом, субъект и его исследовательская деятельность не принимали в этом участия. Практически все были согласны с тем, что логика обладает нормативным, всеобщим характером и в ней нет места таким характеристикам, свойственным человеку, как индивидуальность, особенность, изменчивость, историчность. Если же они и вовлекаются какими-то путями в логику, то могут оказать на нее только отрицательное влияние с точки зрения ее строгости и точности.

Однако такое утверждение требует некоторого уточнения. Во-первых, субъект все-таки присутствует в логике, он там представлен *результатами* своей деятельности, результатами, в которых (что важно) эта деятельность никак не воспроизводится. Во-вторых, удаление субъекта из логики предполагает определенный выбор того, *что* же удаляется. Логическое значение имеет устранение деятельности ученого именно *по производству знания* и связанные с ним обстоятельства, круг которых предполагается интуитивно известным и не обсуждается. Речь не идет о его рели

¹ Текст подготовлен при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 09-06-00023а.

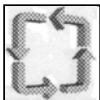

гиозной или общественной деятельности, они просто игнорируются, они не имеют отношения к делу даже в качестве опровергаемых. Из всех сопутствующих научному творчеству условий вычлняются те, которые, не являясь наукой, способствуют, тем не менее, ее возникновению. Уже в характеристике классической науки просвечивает, таким образом, идея *не-науки*, порождающей науку, но никак не, например, *нефилософии*, рождающей философию, или *неискусства*, рождающего искусство. Для философского осмысления классической науки разбираться в этих тонкостях не было никакой необходимости, но другое дело сейчас. Для нас важно, что научная деятельность, со всеми сопутствующими этой деятельности обстоятельствами, и субъект этой деятельности, будучи за пределами логики классической науки, где-то на ее границе, являются ее *фоном*, *контекстом*, условием ее зарождения.

И это обстоятельство в том или ином своем варианте при всем безразличии логики к субъекту, по мере ее совершенствования и уточнения деталей, требовало от логиков какого-то объяснения, истолкования. Не вдаваясь в подробности развития логического позитивизма в прошлом веке (а именно в этой области философии логика научного знания достигла своего максимального совершенства), отмечу лишь итог этого развития: вместе с субъектом научной деятельности из логики исчез и предмет. Ученый изучает уже не природу, не окружающий мир, а язык как носитель нашей мысли. Природа, как и субъект, становится *фоном*, *контекстом* для логики науки, она – *нелогика* науки, но эту логику порождает. Наука без субъекта и без предмета, наука ли это?

Другой вариант – понимание науки базируется на противоположном полюсе научной деятельности – на субъекте. В этом случае, наоборот, с самого начала знание и его логика – за пределами анализа, нечто маргинальное, малозначимое. Цель ученого – не получить истинное знание (я беру крайнюю форму социологического анализа науки), а сделать карьеру, добиться известности, славы и т.д. Поэтому важно понять, в первую очередь, социальные, психологические, этические, экономические обстоятельства производства знания. А логическую, содержательную сторону научных результатов можно игнорировать. Такой подход, однако, приводит к не меньшим трудностям.

Едва ли можно полностью игнорировать стремление ученого получить истинное научное знание. Если цели, которые ставит перед собой ученый, достигаются в рамках науки, то неизбежно большое значение приобретают научные мероприятия разного рода, циркуляция печатной продукции, получение грантов на реализацию определенных проектов и т.д. Без всего этого добиться успеха и сделать карьеру трудно. Научное знание в той или иной

его форме обязательно присутствует в социальной, общественной жизни ученого, пусть и как контекст, как нечто маргинальное, второстепенное. Это во-первых. А во-вторых, ученый перестает быть ученым, если главным в его деятельности становится достижение целей, напрямую не связанных с наукой. Социологические исследования, ориентированные на придание максимально значимой роли субъекту, в тенденции своего развития приводят к тому, что в науке нет не только предмета, но и субъекта. Ученый как субъект «растворяется» в социальном контексте своего существования и перестает быть ученым. Наука, со всеми своими логическими, содержательными характеристиками полностью погружается в контекст, по определению находящийся за пределами научного знания и его логики, где и ученый перестает быть субъектом именно научной деятельности по производству знания. И ученый, стремящийся к получению истинного знания, и предмет его исследования вместе со знанием об этом предмете становятся лишь *контекстом* науки, понимаемой как социальная деятельность по достижению успеха.

Таким образом, выведение из поля исследования или субъекта деятельности, или предмета изучения вместе со знанием об этом предмете, при доведении каждого из этих направлений до некоторого логического предела, приводит, в обоих случаях, к неожиданному результату. В науке исчезает и субъект, и предмет, они становятся лишь *контекстом* науки. Нет науки, понимаемой как противостояние двух полюсов, субъекта и предмета. Наука – это или язык и законы его построения, или социальная деятельность ученого, направленная на успех и карьерный рост.

Наука без прошлого и без истины, к такому результату приводит выдвижение на передний план субъекта научной деятельности. Его роль в науке интерпретируется двояким образом. С одной стороны, он становится социальным существом, отстраненным от исследовательской деятельности по получению истинного знания, об этом и о результатах такого подхода говорилось только что. С другой – если в поле рассуждений философа оказывается субъект, неизбежно встает вопрос и о его деятельности по получению знания, которое пусть и в косвенной форме, как контекст, но все-таки присутствует в науке. Ведь социология в прошлом веке претендует на решение философских проблем.

В связи с широким распространением разного типа социологических исследований, в первую очередь таких, как кейс-стади, те, кто изучает науку, все чаще прибегают к понятию контекст. Это значит, что их интересует не столько происхождение нового знания из старого, сколько влияние и роль сопутствующих рождению нового обстоятельств, часто не имеющих к науке прямого

отношения. Новое возникает как бы на пустом месте, в том смысле, что его основанием не является прошлое научное знание, доминировавшее до его появления. Новое знание базируется на своих собственных основаниях, оно самодетерминируется. Наука рождается из *ненауки*, как это возможно? И на каком основании мы можем утверждать, что в голове ученого действительно появилось *научное* знание?

До середины прошлого века существовало две истории науки, история научных идей и социальная история (интернализм и экстернализм). При этом, несмотря на бурные дискуссии между представителями того и другого направления, все они были согласны в главном, в том, что логика научных идей, их истории, не зависит от социальных обстоятельств. Спор шел только о большем или меньшем значении для понимания науки той или иной позиции. Социологи никак не претендовали на решение логических проблем знания, а их оппоненты оставляли в стороне социальные обстоятельства развития идей.

Социологи второй половины прошлого века претендуют на решение не только социологических проблем науки, но и философских. Самым трудным становится вопрос, каким образом знание, возникшее не из прошлого знания, а из контекста, может вписаться в уже существующую структуру знания. Если прежде философы пытались решить проблему, можно ли логическими средствами объяснить переход *от старой* парадигмы-теории *к новой*, то теперь на передний план выдвигается проблема перехода *от новой* теории *к старой*. Но если нет логического пути от старого к новому, нет такого перехода и в обратном направлении. И в этом смысле можно говорить, что у науки нет прошлого. Все случаи рождения нового знания из контекста располагаются как бы в одном *пространстве*, а их следование друг за другом во времени при решении возникающих проблем перестаёт играть решающую роль, становится маргинальным по своему значению.

С истиной тоже проблемы. Если у каждой теории свои собственные основания, укорененные в контексте ее возникновения, то и выводы относительно предмета изучения тоже каждый раз свои, не совпадающие с выводами теорий-конкурентов. При этом каждая теория претендует на истину. Может ли так быть, что предмет один, а истин много? Если исходить из того, что знание формируется контекстом, который изменчив, историчен, а не предметом изучения, то положительный ответ на этот вопрос предопределен и релятивизм неизбежен. Или субъект со всей его контекстуальной неустойчивостью должен быть удален из логики (как это было в классической науке), и тогда истина одна, релятивизма нет. Или субъект и его деятельность становятся центральными понятиями

при исследовании науки, и тогда релятивизм неизбежен. Истины нет, но есть творчество.

В концепции науки присутствует или истина, или творчество, в зависимости от того, какая интерпретация науки принимается, классическая или неклассическая. В классической науке знание определяется предметом, и его объективность и истинность – цель научного исследования. Возникновение знания, творческие процессы в голове ученого – за пределами логики. В неклассической науке знание обосновывается субъектной стороной отношения субъект-предмет. Отсюда – главное внимание обращается на процесс рождения знания из контекста (социального, психологического, экономического) творческой деятельности учёного. Истинность знания как его соответствие предмету не обсуждается, этот вопрос неинтересен, он остается «на обочине» анализа науки.

Отсутствие логического понимания творчества в науке воспринимается современными исследователями довольно спокойно, как нечто само собой разумеющееся, к этому «привыкли». Однако очень болезненно встречаются заявления об отсутствии истины, о том, что поиск истины не является главной целью науки. Чаще всего философское осмысление науки сводится к попыткам сохранить в ней и творчество, и истинность знания. В связи с этим сторонники классической науки идут на уступки своим оппонентам, допуская наличие субъектных характеристик в том или ином их виде в научном знании, при сохранении основных параметров классики. Сторонники же неклассической науки пытаются лишить классическую науку ее базовых признаков и «подстроить» ее под особенности новой науки. Т.е. разнообразие, множественность в интерпретациях науки стремятся свести к единообразию, к *одному* возможному её пониманию, противореча тем самым своей же ориентации на плюрализм. Мне приходилось «защищать» классическую науку от уступок оппонентам, которые делают ее сторонники. Классическая наука продолжает существовать, сохраняя свои основные характеристики, и большинство ученых успешно работают в ее рамках. И можно понять их недоумение и возмущение, когда философы пытаются придать их исследовательской деятельности какие-то несвойственные ей особенности. Классика и неклассика сосуществуют, не отрицая и не поглощая друг друга, каждая формируясь на своих собственных основаниях. Можно провести здесь параллель с фундаментальными научными теориями-парадигмами, которые тоже сохраняют свою значимость в истории, продолжая сосуществовать в некоем едином пространстве. В этом состоит плюрализм современного философского по-

нимания науки, он очень миролюбив, этот плюрализм, и не стоит его бояться.

Однако у большинства современных исследователей науки присутствует стремление уйти от плюрализма, который ассоциируется обычно с эмпиризмом. Если нет классической логики, значит, нет логики вообще. Поэтому при попытках выстроить рациональные мостики между разными парадигмами, как правило, доминирует процедура *обобщения*, а не *общения*. Главное, это найти нечто общее, что объединяет, что нивелирует индивидуальные, уникальные особенности, делающие субъект субъектом в том или ином контексте. Это относится в полной мере и к способам интерпретации науки: базовые основания или классики, или неклассики берутся за общее основание науки как таковой, индивидуальные особенности той и другой становятся неважными, маргинальными.

Сторонники неклассической науки вынуждены искать способы установить связь, желательную логическую, между разными формами знания. Но если эти формы знания не поглощаются друг другом, старые формы не *снимаются* в новых, не разрушаются ими и не отрицаются ими как ложные, то связь возможна только на равных. Это может быть диалог, intersubъективные отношения, коммуникация. При разработке этих типов взаимодействия наиболее распространённой становится тенденция поиска *общего* начала, которое и помогает, по замыслу, общению. Но эта тенденция разворачивает вектор движения мысли в сторону все той же классической логики, где *обобщение*, поиск общего (языка, например) явно доминирует над *общением*, которое предполагает наличие (и сохранение в ходе общения) индивидуальных, особых черт у общающихся.

Нечеткость границы между классикой – неклассикой, истиной – ложью, субъектом – предметом приводит к понятию смысла, который присутствует в каждой из сторон противостояния. Мы имеем, таким образом, попытки сторонников классики включить тем или иным способом субъектные черты в научное знание, а сторонников неклассической науки подчинить себе базовые характеристики классической науки. И в том, и в другом случае граница между двумя типами научного мышления стирается, как минимум, становится нечеткой. Понятие истины тоже утрачивает строгость своего определения в классической науке, так как субъектные вкрапления в знание могут лишь нарушить его объективность, соответствие действительности. Далее, если природа как объект изучения «очеловечивается» после внесения в нее ряда субъектных характеристик, а субъект тем самым «опредме-

чивается» (он совпадает с предметом в каких-то своих свойствах), то и тут граница между субъектом и предметом становится нечеткой. Кроме всего прочего, наука возникает из контекста, который есть *ненаука*, где нет не только четких границ, но вообще никаких, так как отсутствуют сами понятия, граница между которыми обсуждается. Есть только граница между контекстом и наукой, которая им порождается. Встает вопрос, каким же образом возникают на этой границе все те элементы науки, о которых можно говорить как о формирующих ее тем или иным образом. И главный вопрос, о котором уже говорилось выше: где гарантия, что мы имеем дело именно с наукой, хоть и рожденной из *ненауки*.

Действительно, когда идет конкурентная борьба между старой и новой теориями-парадигмами, еще неясно, в пользу какой теории будет принято решение научного сообщества. Не исключено, что обе теории окажутся ложными. И, тем не менее, никто не отрицает, что дискуссия ведется в рамках науки. Что же позволяет придерживаться такого мнения? Только то обстоятельство, что все участвующие в конкуренции теории *обладают смыслом*. Именно это объединяет их в границах науки. Если то или иное высказывание не обладает никаким научным смыслом, с ним не будут спорить, его просто проигнорируют.

Рождение науки совпадает с рождением смысла его элементов, что обеспечивается формированием *мыслительного поля* (М. Мамардашвили), или *полем референции* (Ж. Делёз), или можно еще как-то назвать пространство, являющееся *ненаукой*, но не противоположное ей. Это пространство вычленяется из бескрайнего моря внешнего по отношению к науке мира, ограничиваясь лишь той его частью, которая участвует в возникновении науки, не держа в себе ни субъект-предметного отношения, ни истины, ни лжи, ни старых теорий, ни новой, ни отношений внутри научного сообщества, ни каких бы то ни было других её элементов. Единственное свойство, которое элементы науки приобретают на границе *ненауки* и науки, это свойство обладать научным смыслом. На этом основании еще только родившаяся в голове ученого мысль, не обоснованная и не принятая не только научным сообществом, но и им самим до конца не продуманная, уже *научна*. И история всех прошлых теорий, пусть и ложных с точки зрения современного научного знания, все-таки есть история *науки*. Для знания, чтобы принадлежать науке, совсем не обязательно быть истинным. Если бы это было так, то с точки зрения классического естествознания любая научная дисциплина состояла бы на каждый данный момент из одной единственной теории, победившей свою предшественницу как ложную в конкурентной борь-

бе. Кроме того, такое ее положение очень непрочное, заранее известно, что рано или поздно она будет опровергнута и лишится, тем самым, статуса научной. Мир науки чрезвычайно сужается.

Смысл нейтрален к истине и лжи, он нивелирует их противоположность и смещает интерес исследователя к границе наука – *ненаука*, к рождению науки из контекста, а не из прошлого знания, к пространственным отношениям скорее, чем к временным.

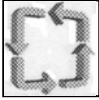
Появляются новые понятия, как в философии, так и в естествознании. Уже упомянутые выше мыслительное поле и поле референции, или жизненное пространство, окружение, собственный мир теории, ландшафт и т.д. В философии разрабатывается целая философская система, логика смысла Ж. Делёзом, в которой фигурируют понятия смысла и нонсенса. При этом нонсенс определяется не как нечто противоположное смыслу, а как не смысл, порождающий смысл. Очень похоже на контекст, как *ненауку*, порождающую науку.

Чтобы мои рассуждения не казались произвольными, я остановлюсь очень коротко о способе мыслить некоторых естествоиспытателей.

Рене Том, математик, серьезно анализирующий проблемы биологии. В мире живых существ Том предполагает наличие *жизненного поля, некоторого предпорядка*, определяющего направление формообразования организмов.

Он берет под сомнение положение генетики, что развитием живых существ управляет исключительно случай, и из всей совокупности влияющих на организм факторов стремится выделить те, которые имеют больше шансов радикально изменить его наследственность. Именно эти факторы и организуют жизненное пространство. Том обратил взгляд на теорию Ламарка: сильная потребность может привести к наследованию приобретенных признаков. Наличие потребности делает организм более восприимчивым к раздражителям того порядка, которые эту потребность удовлетворяют. Организм как бы подготавливает себя к ответу на соответствующий раздражитель и игнорирует остальные. Этим обеспечивается устойчивость организма: до поры до времени он сохраняет форму, он стабилен, так как не отвечает на случайные влияния, никак не относящиеся к его процессам жизнедеятельности (или же погибает, если эти влияния преступают определенный порог). Когда же внешнее раздражение оказывается созвучным

с неудовлетворенной потребностью организма, происходит скачок, или катастрофа, как предпочитает говорить Том, организм дестабилизируется и переходит в новое состояние.

Никлас Луман, социолог, идет в своей области знания тоже непроторенными путями. Каждая теоретическая система, утверждает он, имеет свой собственный *окружающий мир* и способна к самонаблюдению.

В интерпретации Луманом наблюдения просматривается сходство с понятием наблюдатель в естествознании (у Эйнштейна или Пригожина) и в философии (у Ж. Делёза, например). В этих случаях наблюдатель принадлежит как предмету, так и субъекту, которые в равной мере обладают свойством наблюдать. Луман сам признает, что его концепция подрывает субъектно-объектную схему теории познания.

Большую роль у Лумана играет контингентность (случайность). Важно при этом иметь в виду, что возможности выбора не безграничны. *Система сама определяет тот характер и тот объем информации, который может быть ею воспринят.* Как у Тома, организм сам выбирает те факторы влияния, которые лучше отвечают его потребностям. Так что не только окружение (или контекст в широком смысле слова) формирует тот или иной организм, теорию, систему и т.д., но и организм, система и т.д. формируют свое окружение, а тем самым и самих себя. В этом источник самодетерминации, обоснования собственными началами.

Или понятие выбора, в основании которого лежит случайность, в истолковании Лумана очень напоминает понятие бифуркации. Предполагается наличие разных вариантов выбора, из которых случай выбирает лишь один. Однако остальные варианты обладают не меньшим правом быть выбранными, так как все возможные варианты в равной мере обладают смыслом, хотя некоторые из них и могут оказаться ложными.

У Роджера Пенроуза в его физических построениях большую роль играет *коллапс волновых функций*, который не порождается процессами, протекающими на квантовом уровне в соответствии с уравнением Шрёдингера. Чтобы он произошел, необходимо нечто *внешнее, окружение*, не являющееся составной частью линейного процесса.

В то же время без экранирования квантового состояния от окружения такие эффекты мгновенно затеряются в присущей этому окружению хаотичности. Квантовая когерентность возникает при условиях, позволяющих большому количеству частиц образовывать совместно единое квантовое состояние, практически не сцепленное с окружением.

Из этих очень кратких реплик в адрес некоторых ученых мне бы хотелось сделать такие выводы. Все они говорят о большой роли контекста (жизненного пространства, собственного мира

системы, окружения) для понимания изучаемых ими процессов. Организм, теория, физическая система сами отбирают те влияния внешнего мира, которые они могут воспринять, остальные не принимаются во внимание. Тем самым контекст становится не просто внешним, но *ненаукой, несистемой, неорганизмом*. Система (будь то наука, организм, физическое явление) сама участвует в формировании своего контекста. У Лумана есть интересный ход мысли: другие системы входят в собственный мир данной системы, и здесь происходит их общение. Система не утрачивает своей индивидуальности, и сама может включаться в собственные миры других систем.

В заключение хотелось бы сказать, что если субъект-предметное отношение, в любом его варианте (доминирование предмета или субъекта) и становится малозначимым для понимания науки, это совсем не свидетельствует о том, что исследования, проводившиеся на базе этого отношения, следует считать не оправдавшими себя, малопродуктивными, ошибочными. Они дали блестящие результаты, которые не требуют опровержения. Но они исчерпали себя с точки зрения логики, дали всё, что могли и пришли к состоянию самопреодоления.

И еще один момент. Не следует искать в реальном мире прямого аналога той или иной идеализации. Если в классической науке из логики выводится субъект, то это не значит, что представители этой логики отрицали существование ученого как порождающего научное знание. И если представители социологии науки исключают из поля своих рассуждений предмет исследования, то из этого не делается вывод, будто в реальном естествознании реальным учёным не изучается мир природы. Подобно этому в механике Ньютона фигурируют материальные точки и абсолютно ровные поверхности, но только для того, чтобы понять движение реальных предметов по реальным, далеко не ровным поверхностям.